

А.А. Скворцов

УДК 174

Этическое консультирование: ожидания и разумные перспективы

Аннотация. Статья посвящена обсуждению возможностей, которые открываются для академической этики в сфере проведения этического консультирования. Автор полагает, что в ситуации не востребоваемости исследовательской этики в практиках этического регулирования, сложившихся на данный момент в российских университетах, для неё открываются широкие возможности проведения консультирования в сотрудничестве с различными направлениями профессиональной этики. Практики профессионального регулирования, в силу некоторых особенностей, указанных в статье, представляются наиболее открытыми для совместной работы. Осуществляя консультирование, академическая этика может выступать как медиатор диалога между профессиональным сообществом и их целевыми аудиториями. При этом нередко именно от профессиональных сообществ идет запрос на консультирование с целью сделать понятными для общества их нормативные и ценностные декларации. Приводятся примеры интересных для современных исследований опытов этического консультирования, в которых принимал участие автор статьи.

Ключевые слова: этика, профессиональная этика, академическая этика, этическое консультирование, экспертиза, этическое регулирование, этический кодекс, ценности.

На данный момент следует признать, что этика, понимаемая как практика утверждения высоких принципов и ценностей, добровольно принимаемая сообществом ради установления благоприятной для всех заинтересованных лиц, пока не смогла утвердиться в российской деловой культуре. Сегодня ещё очень мало сообществ, которые готовы ориентироваться в своей деятельности на гуманистические ценности, служащие установлению подлинно человеческих отношений и, как следствие, совершенствованию общества. Самое неприятное, что случилось с практической этикой, это факт того, что в наиболее аутентичном для неё пространстве, где она размышляет и развивается, т.е. в академической среде, на деле она оказалась невостребованной. Если другие сферы социальной жизни для этики как исследовательской дисциплины были не всегда понятны, то, казалось бы, хорошо ей знакомый университетский мир вполне мог быть ей освоен с точки зрения практической реализации. Однако ожидания не оправдались: волна увлечения этикой, затронувшая академическую среду лет десять назад, прошла и стала истори-

ей. Для её исчезновения были конкретные причины: университеты в большинстве своем утратили последние элементы автономии и стали управляться инструментами жесткого администрирования. Отныне от коллектива ученых и педагогов, когда-то определявших направления развития своих институций, ничего не зависит; все директивы спускаются сверху. Для рядовых сотрудников смысл этих директив фактически сведен к двум императивам: работать ради обогащения западных компаний, управляющих известными индексируемыми базами данных, и работать ради получения прибыли родным университетом. Отсюда цели и ценности академической деятельности стали определяться исключительно прагматическими, количественными критериями, далекими от моральных соображений. Изменения, произошедшие с высшей школой за последние 10 лет, впечатляют масштабами краха именно моральных ценностей науки и образования. В предыдущей статье мы назвали этот процесс «трансгрессией»: внезапный переход общества от понимания академической работы как дела служения обществу к пониманию ее как сферы услуг. Есть впечатление, что ни социологи образования, ни сами обитатели академической среды в полной мере ещё не осознали произошедшую в сфере их деятельности революцию. Было бы очень интересно рассмотреть её, например, в идеологическом контексте. В 90-х годах, в эпоху господства либеральных ценностей, когда само слово «патриотизм» было едва ли не ругательным, молодым педагогам и ученым, поступавшим работать в университет, внушали, что главная цель их работы – служение науке и Родине. Теперь же, когда патриотизм стал официальной идеологией, им внушают, что истинная цель их работы – коммерческая эффективность. Создается впечатление, что в бескорыстную науку и самоотверженную педагогику никто больше не верит. Изменения в идеологии науки и образования неизбежно ведут к изменениям в антропологии: образ ученого-энциклопедиста и педагога-интеллектуала, независимых в суждениях и выборе предмета исследования, заменен на роли обезличенных служащих, чья работа регламентирована указаниями сверху. Обезличенность сотрудников приводит к тому, что их деятельность начинает оцениваться исключительно по количественным показателям. А если результат деятельности людей больше не содержит частичку их души и не является произведением их индивидуальности, то сама эта деятельность становится банальным производством, результат которого – стандартная продукция. Соответственно, сугубо количественное восприятие результатов труда в глазах начальства обязательно сводится к оценке «мало!» и к императиву «надо больше!» Так, недавно министр высшего образования и науки заявил о необ-

ходимости увеличить количество публикаций российских ученых в международных журналах на 70 тысяч [3]. По сути, не важно, что конкретно будет содержаться в этих публикациях, и как они повлияют на развитие разных отраслей науки и общества. Важно просто увеличить число зачастую искусственно собранных текстов – как, к примеру, важно увеличить производство картофеля либо металла.

Все эти обстоятельства приводят к тому, что обитатель современной российской высшей школы, как правило, сильно ограничен в выборе: что и как преподавать, где, с кем, в каком количестве и на какие темы публиковаться. Поэтому, если в некоторых институтах высшей школы ещё и говорят об этике, то под этим понимают скорее дрессировку с целью добиться ещё большей «эффективности», выраженной в необходимости достижения произвольно взятых контрольных цифр и наиболее точного исполнения приказов начальства. Если же где-то ещё и остались институты этического регулирования в виде этических комиссий, то там крайне редко востребованы знания и консультации специалистов по этике.

Изгнание этики как практики сотрудничества из российских вузов стало печальным фактом в истории отечественной прикладной этики, но это отнюдь не означает, что она перестанет развиваться. Нет сомнения, что она сможет найти поле для деятельности, в том числе консультационной. В нашей стране, хоть и не часто, но все же существуют области социальной практики, которые, стремительно развиваясь, глубоко задумываются над этическим содержанием своей деятельности, а также её общественной значимостью. В первую очередь, следует обратить внимание на профессионально ориентированные практики, многие из которых внедряют различные институты этического регулирования. На мой взгляд, именно профессиональные сообщества могут стать, а иногда уже становятся, главным заказчиком на этическое консультирование. У профессиональной этики есть существенное преимущество перед корпоративной: она стремится быть прозрачной и понятной для общества. Корпоративная – тоже имеет тягу к открытости, но в ней всё-таки остаются закрытые области, не предназначенные для общественного внимания. Кроме того, в корпорациях существует система администрирования, которая оставляет мало пространства для рефлексии над целями и ценностями и настроена в большей степени на оптимизацию деятельности. Профессиональные сообщества, как правило, не администрируются сверху и представляют собой свободные партнерства, объединенные именно на основании общих целей и ценностей. Отсюда становится возможной и весьма важной рефлексия над ними.

Есть ещё несколько значимых черт, делающих профессиональную этику восприимчивой к идеям этики исследовательской. Во-первых, отметим, что профессии посредством своих ценностных деклараций, дабы убедить общество в своей незаменимости, приписывают себе высочайший социальный статус. С этого начинается любой профессиональный кодекс, как древний, так и современный. Медики убеждают общество, что они – самая гуманная профессия, защищающая жизнь; журналисты утверждают, что только они в полной мере реализуют право общества на достоверную информацию; инженеры убеждают что только они обеспечивают технологический прогресс; а психотерапевты утверждают – они единственные, кто способен защитить личность от отрицательного влияния окружающей среды. Кодексы убеждают, что мир невозможно представить без таких профессий, и они потенциально могут расширять свои сферы деятельности, приспосабливаясь к быстро меняющимся условиям.

Во-вторых, что делает профессиональные кодексы именно этическими, и почему исследовательская этика может оказаться востребованной в практиках такого рода? Профессиональная этика представляет собой нормативную и ценностную систему, декларируемую от имени сообщества; она отличается от обыденной морали, которая обращается персонально к каждому человеку. Но, как и в случае с индивидуальной моралью, сообщество принимает ценности и императивы добровольно, исходя из своего понимания мироустройства и наилучшей жизни в нем. Именно добровольность, понятая и как избрание сообществом ценностей для последующей реализации, и как право каждого индивида свободно присоединиться к сообществу, делает такого рода регулирование именно этическим. Профессиональное сообщество декларирует свою готовность в повседневной практике добровольно реализовывать ценности, предпочитаемые всем обществом. Кроме того, в его представлении ряд наиболее важных ценностей может полнее реализовывать только эта профессия. Медики – здоровье и качество жизни, юристы – справедливость, экономисты – благополучие, педагоги – гармоничное развитие личности и т.д.

Феноменологическое рассмотрение кодексов позволяет выявить и ещё один аспект возможного сотрудничества – характер этического регулирования и возможных санкций за нарушение кодекса. Далеко не все документы такого рода предполагают четко сформулированные санкции; есть кодексы-декларации, которые своим видом выражают некий идеал и, соответственно, лишь намекают на осуждение тех, кто не желает на него ориентироваться. Но наряду с ними существуют документы, которые отводят целые разделы воз-

возможным санкциям за несоответствие профессиональным стандартам. Речь идет именно об этических санкциях, которые не могут повторять правовые в силу характера самого регулирования. Они не могут прибегать к насилию в правовом смысле, хотя могут обращаться к различным инстанциям с просьбой исключить нарушителя из профессионального сообщества. Этические санкции в силу самой специфики морали не могут быть направлены на осуждение и наказание; в большей степени они должны быть настроены на сотрудничество и восстановление отношений. Но в каких конкретно мерах воздействия они выражаются? как и от имени кого могут быть применены? В этих вопросах академическая этика может оказать консультационную помощь исходя из концептуального, философского понимания этического.

Рассуждения о различных чертах профессиональной этики не должны заслонять её главного назначения – формулирования ценностных ориентиров для профессии, которая должна способствовать благу общества. Можно сказать, что появление и внедрение в профессиональную практику такого рода документов свидетельствует о тенденции, направленной на абсолютизацию морали. Профессии на уровне своих ценностных деклараций, не желая мириться с уже сложившейся, иногда стихийно, практикой (где может содержаться немало отрицательных явлений), пытаются интегрировать в свою повседневную деятельность ценности из мира абсолютных ценностей, безусловно предпочитаемых людьми. Но здесь возникает существенное затруднение: кто именно уполномочен формулировать ценностные ориентиры для конкретной профессии, и насколько эти ориентиры будут совпадать с ожиданиями общества? Не случится ли здесь некоторой «ценностной слепоты», когда профессионалы в одной из областей станут посредством кодекса продвигать собственные интересы, не считаясь, либо даже не понимая запросов общества? И другая трудность: хорошо ли специалисты из конкретной сферы профессиональной практики понимают границы своей профессии? Не будут ли они претендовать на социальные пространства, которые традиционно не входили в поле их профессиональной ответственности? Например, до каких пор может распространяться медицина жизни, либо насколько широким может быть круг тех, кому требуется психологическая помощь?

Разумно предположить, что в деле установления ценностных ориентиров приоритет должен быть у самих профессионалов. Ориентиры некоторых профессий формировались на протяжении столетий, а их ценностное содержание лучше всего понятно только тем, кто длительное время погружен в профессиональную практику как в

повседневную работу. Однако «приоритет» не означает исключительного права. Общество также имеет право требовать от профессиональных сообществ ориентации именно на всеобщие ожидания. И здесь речь идет не об абстрактном обществе, а о целевой аудитории потребителей благ и услуг, за качественное предоставление которых отвечает профессия. Ценностные ориентиры для медиков не могут быть установлены без мнения потенциальных пациентов, ориентиры журналистов без мнения потребителей информации, а педагогов – без мнения родителей, а по некоторым важным вопросам – и без мнения детей. Диалог между «поставщиками» и «потребителями» профессиональных навыков относительно ценностного содержания общественно значимых ролей показывает профессиональную этику как процесс, в котором обладатели специальных навыков готовы отвечать на меняющиеся требования социума. В данном случае академическая этика не может претендовать на то, чтобы говорить от имени всего общества, но она вполне может выступить модератором такого диалога. И, возможно, только ей удастся сделать этот диалог эффективным, поскольку способна, с одной стороны, перевести общественные ожидания на язык ценностных предпочтений, с другой – оценить ценностную декларацию профессии на соответствие этим ожиданиям. Следует заметить, что академической этике не надо униженно проситься на эту роль. Уже сейчас немало сообществ, которые обращаются к специалистам по этике с целью выяснения, насколько их кодекс понятен обществу или насколько он созвучен лучшим образцам, существующим в мире, либо в других профессиональных группах. В этом плане экспертиза кодексов может вестись по следующим направлениям: 1) корректность и непротиворечивость нормативного и ценностного языка, его точность и прозрачность для общественного восприятия; 2) вопрос ценностных приоритетов и иерархии ценностей; 3) точность понимания ожиданий потребителей, мера осознания их реального положения, их нужд и оценок самой профессии; 4) готовность (хотя бы на уровне обсуждения кодекса) к сотрудничеству с целевой аудиторией потребителей, а также с другими общественными институтами; 5) оценка рисков дискриминации каких-либо групп, чьи права и ожидания кодекс не учитывает, хотя данная профессия призвана взаимодействовать в том числе с ними.

По поводу последнего, пятого, можно привести интересный пример. Автор данной статьи в 2015 году был приглашен от этического сообщества к обсуждению Кодекса этики Олимпийского коми-

тета России (ОКР)*. Этот кодекс задумывался как отечественный вариант Кодекса этики Международного олимпийского комитета (МОК) [7]. Авторы представили несколько черновых вариантов, из которых затем был сделан один, представленный для обсуждения. В целом, основные положения отечественного кодекса почти дословно повторяли формулировки из международного аналога, однако многие, кто принимал участие в дискуссии, заметили, что могут появиться серьезные разночтения в вопросе, на кого конкретно распространяется кодекс. Большинство из его положений начинались словами «Заинтересованные лица», и уже во втором пункте документ уточнял, что понимает под ними: «Кодекс этики ОКР применяется ко всем членам ОКР – физическим и юридическим лицам, членам Олимпийской команды России, членам Олимпийской делегации России, работникам ОКР, волонтерам и представителям ОКР, членам руководящих, контрольно-ревизионных органов и иных органов ОКР». Оставляя в стороне формальный вопрос, насколько словосочетание «заинтересованные лица» передает фразу из кодекса МОК «The Olympic parties», все же следует заметить, что самая значительная часть аудитории олимпийского движения оказалась из кодекса исключена. Речь идет о болельщиках, т.е. о тех, ради кого существует олимпизм. Получается, что они дискриминированы в том плане, что не имеют ни прав, ни обязанностей. А ведь часто по поведению болельщиков судят о спортивной культуре и вообще – о культуре страны. Поэтому крайне важно, чтобы болельщики ориентировались на принятые в олимпийском движении ценности, особенно на запрет дискриминации, расизма, оскорблений. Нередко бывали случаи, когда международные федерации штрафовались именно за поведение болельщиков. С другой стороны, в кодексе следовало бы зафиксировать, что спортсмены, тренеры и все, причастные к спорту высших достижений, обязаны помнить, что на них смотрят миллионы, а значит, спорт имеет ещё и воспитательное значение. В начале обсуждения проекта кодекса лица, ответственные за его разработку, стали говорить, что кодекс – профессиональный, поэтому болельщики, не являющиеся профессиональными спортсменами, не могут быть его целевой аудиторией. Но когда им напомнили, что Олимпийский комитет сам организует команды болельщиков для поддержки национальных команд, т.е. сам настойчиво их включает в олимпийское сообщество, руководство согласилось, что требуется раздел кодекса о стандартах поведения болельщиков. Иначе получается, что Олимпийский комитет не уде-

* Документ с таким названием на данный момент ещё не принят, поэтому невозможно дать на него ссылку. Его разработка продолжается.

ляет внимания ни их поведению, ни их нуждам.

Отметим, что в данном случае не этическое сообщество требовало включить себя в обсуждение декларации социально значимого института, а, напротив, сам институт обращался за консультацией к специалистам по этике. Причем для этика здесь присутствует двойной интерес. С одной стороны, он востребован и участвует в подготовке социально значимого проекта, с другой – получает возможность исследовать моральную рефлексию, существующую в конкретном сообществе. Скептики могли бы заметить, что от такого консультирования мало практической пользы: от изменения редакций некоторых статей этического кодекса вряд ли изменится поведение людей на практике. Но все же от кодексов было бы разумным ожидать двух вещей. Во-первых, трудно отрицать воспитательное значение, которое кодексы как ценностные декларации могут оказывать на тех, кто только вступает в сообщество. Таким образом, неопиту могут быть показаны стандарты практики, выработанные за долгое время, исполнения которых от него будет требовать сообщество. Во-вторых, этика, призванная осуществлять медиацию между ценностными представлениями конкретных корпораций и всего общества, могла бы объединить усилия с этими сообществами и настаивать, на получении этическими кодексами статуса, похожего на профессиональные образовательные стандарты. Это бы означало, что все нормативно-правовые акты, издаваемые от имени либо государства, либо корпорации, должны были ориентироваться на эти стандарты и не требовать в отношении конкретных сообществ того, что запрещено их кодексом, т.е. не навязывать профессиям несвойственные им функции и роли.

Приведем ещё один интересный пример опыта этического консультирования. Автор данной статьи был также приглашен участвовать в экспертизе, частью которой была оценка документов по этическому регулированию российского сообщества адвокатов. Следует заметить, что адвокатское сообщество в нашей стране является глубоко рефлексивным относительно этических оснований своей профессии. У сообщества есть подробный кодекс, принятый 31.01.2003¹ I Всероссийским съездом адвокатов, а также документ, именуемый «Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном производстве» (принят 20.04.20017). При Федеральной палате адвокатов действует комиссия по этике и стандартам [см.: 5], которая

¹ Далее, в связи с изменениями в законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», следовали редакции от 2005, 2007, 2013, 2015, 2017 гг. [см.: 2].

публикует официальные разъяснения². Издаются также объемные книги, где можно познакомиться и с содержательной стороной адвокатской этики, и с практикой этического регулирования в сообществе [см., напр.: 1, 4, 6]. Во многом появление значительного количества этических документов в этой области определяется тем, что профессия адвоката связана с высокими социальными ожиданиями и часто в общественном сознании выражает ценность защиты от несправедливости. Но не всегда ожидания клиентов адвокатов оправдываются, поэтому в российском Интернете можно найти сведения о большом количестве жалоб, поступающих на деятельность защитников со стороны их бывших клиентов и участников судебных процессов. Отсюда документы по этическому регулированию адвокатской деятельности являются не только декларативными, но и включают в себя достаточно точно разработанные алгоритмы по порядку подачи и рассмотрения жалоб на защитников. Некоторые случаи рассмотрения адвокатскими палатами дисциплинарных дел, а также более широкая задача – стремление внедрить в практику ясные для общества стандарты работы адвоката – побудили это сообщество, в частности, обратиться к сообществу этическому с целью прояснить, насколько нормативное и ценностное содержание кодекса может быть понятным обществу? Нет ли там принципов, которые будут вызывать неприятие? Для специалиста по этике этот случай очень интересен, поскольку позволяет увидеть, насколько успешно юристы, мастера формулировать правовые нормы, справились с задачей перевода своих нормативных принципов на ценностно-нормативный язык этики. Можно сказать, что относительно формулировок и корректности этического языка, они справились хорошо, но возникает сомнение по поводу обоснованности ценностных приоритетов.

Если читать кодекс от имени того, кто не имеет отношения к юридической профессии, а скорее является гипотетическим клиентом адвокатов, то этот документ производит очень хорошее впечатление. Отношения адвоката с доверителем должны строиться на основании очень высоких стандартов, которые гарантируют соблюдение прав, чести, достоинства лиц, обратившихся за помощью (ст. 8), а также строгое соблюдение адвокатской тайны (ст.6). Запрещаются любые виды некорректного общения с доверителем и другими участниками разбирательства дела и судебного процесса (ст. 9, 10). Нет сомнения, что ценность доверия, понятая как защита интересов доверителя, в кодексе находится на первом месте. Это хорошо для

² С ними можно ознакомиться здесь: Федеральная палата адвокатов РФ. Документы: <https://fparf.ru/documents/>

клиентов, но для общества, если обращаться уже к этической рефлексии, не столь хорошо. Уместно вспомнить, что адвокаты – это в первую очередь юристы, а от юридической профессии общество ждет установления справедливости. Тем более это важно именно для защитников, которые, еще раз заметим, в соответствии с общественными ожиданиями, призваны следить за законностью юридического рассмотрения дела, не дать наказать невиновного и обеспечить справедливую меру юридической ответственности для виновного. Отношения с доверителем, несомненно, важны, но они не должны быть выше ценностей справедливости и законности. В своих базовых положениях кодекс говорит об этом: «Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом» (ст. 10). Но в этом пункте речь идет об очевидной истине: ради интересов клиента адвокат не вправе нарушить закон. Однако общество ждет несколько другого, а именно требования, согласно которому адвокат, защищая доверителя, должен в первую очередь ориентироваться на соображения законности и справедливости, и только во вторую – на интересы клиента. Иначе может сложиться впечатление, что адвокат – это такой юрист, который подотчетен не обществу, а клиенту, а то, что происходит в обществе, его не особо интересует. И это впечатление вполне складывается, если обратить внимание, что в тексте кодекса слова «справедливость» и «законность» (именно в такой форме) не встречаются ни разу, а слово «гонорар» – шесть раз. Разумеется, приоритет ценности справедливости не означает, к примеру, что адвокат обязан доложить суду о виновности своего доверителя и потребовать для него соразмерного наказания. В данном случае, норма, согласно которой адвокат вправе говорить только то, на что его уполномочил доверитель, должна остаться неизменной. Но это может означать, что адвокату, знающему о виновности клиента, следует попытаться убедить того признать свою вину и компенсировать нанесенный ущерб. На практике защитники так поступают достаточно часто, и почему бы это не отразить в кодексе?

Приведенные выше соображения, несомненно, являются дилетантскими с точки зрения юридической науки, но вполне обоснованными с точки зрения этического рассуждения и общественных ожиданий. Они были переданы специалистам, имеющим отношение к разработке и модификации этического кодекса адвоката, те признали их достаточно важными и обещали подумать, о внесении изменений

ценностного содержания. Однако новая редакция документа от 20 апреля 2017 г. изменилась незначительно.

Приведенные примеры показывают, что академическая этика может найти себе поле для консультирования. Только, на наш взгляд, требуется учитывать два обстоятельства. Во-первых, консультирование такого рода должно осуществляться не из коммерческих интересов. Такой соблазн сегодня очень велик, учитывая настойчивое требование к университетским сотрудникам зарабатывать деньги для своих вузов. Но в этом случае надо быть честным: пока этическое сообщество не выработало ясных алгоритмов по консультированию и экспертизе различных проектов, это нельзя продавать, не рискуя получить обвинение в ангажированности. Исходить следует именно из исследовательского интереса, ибо изучение рефлексии профессиональных практик над моральными основаниями своей сферы деятельности дает очень много для понимания нравственного сознания общества. Во-вторых, под консультированием нельзя понимать экспертизу в узком смысле этого слова, как вынесение некоего авторитетного мнения от имени какой-либо общественной группы. Исследовательская этика не может выносить суждения по поводу специализированных практик, в которых требуется мнение профессионала. У неё также нет возможности узурпировать право говорить от имени морального сознания всего общества. Под консультированием разумно понимать диалог с различными профессиональными практиками с целью сделать их более понятным целевой аудитории, т.е. общественной группы, ради интересов которых существует данная практика. Если учитывать два указанных фактора, то академическая этика может найти для себя очень интересное и одновременно социально значимое поле для исследовательской работы.

Список литературы

1. Барщевский М.Ю. Адвокатская этика / 2-е изд., испр. / М.: Профобразование, 2000. 312с.
2. Кодекс профессиональной этики адвоката // [Электронный ресурс]. URL: < <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-thecongress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> >
3. Минобрнауки считает недостаточным рост числа публикаций ученых // Сообщение ТАСС от 23.04.2019. [Электронный ресурс]. URL: < <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6365307> >
4. Орлов А.А. Профессиональная этика адвоката: опыт правоприменения дисциплинарных основ Адвокатской палаты Московской области. М., 2016.

5. Статья 37.1. Комиссия по этике и стандартам // Федеральный закон от 31.05.2002.№ 63 ФЗ (ред. от 29.07.2017) "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации". [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369-45/d7e5e2defe9bbd36493483dff8c479b8b6582ee5/>

6. Традиции адвокатской этики. Избранные труды российских и французских адвокатов (XIX – начало XX в.) / сост.: И.В. Елисеев, Р.Ю. Панкратов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

7. IOC Code of Ethics // <https://stillmed.olympic.org/media/Document%20Library/OlympicOrg/IOC/What-We-Do/Leading-the-Olympic-Movement/Code-of-Ethics/EN-IOC-Code-of-Ethics-2016.pdf>.